

сез, над кабинками тысяч грузовиков написаны мичуринские слова: «Мы не можем ждать милостей от природы; взять их у нее — наша задача».

Эту задачу народ измученный выполняет ус-

REPORTING OFFICER:

100

Институт мировой литературы имени

Издания произведений Л. Н. Толстого

В первом томе — около ста писем

Государственный музей Л. Н. Толстого

Выставку литературы и иллюстраций

Отдельный стенд посвящен изданию по

Родина Петра — родина Петра...

десятилетия, отросшая на месте разрушенной немаленько фашистскими бомбами

Забутые станицы

1. Урожай в нынешнем году хорош. И дело не только в миллиардах пудов хлеба, выращенного колхозными странами. Вместе с этим хлебом, в самом ходе борьбы за этот хлеб выросли новые мастера высших урожаев, еще выше поднялись колхозы, еще дальше ушло по пути к изобилию наше социалистическое сельское хозяйство.

Хороший урожай мы взяли не потому, что год выдался особенный. В селе Урень, Горьковской области, где я нахожусь сейчас, все лето стояла ахшабадская жара, и с половиной мая до половины июля не было ни одного дождя. Однако же колхоз «Трактор», в котором мне приходится уже писать, выростил до 20 центнеров зерновых с гектара. Планировал, правда, тридцать, но все же такая двадцать — значит, сельскому хозяйству нашему, каким оно стало за двадцать без малого лет колхозного строя, пришло во многом уже не укажешь. И тем обласе, что в наши дни, когда только и слышишь об успехах уже не отдельных передовиков, а целых колхозов, районов, областей, раздается вдруг унылые слова:

— Эх... нам бы такое.

— А вы откуда?

— Роговские мы, — говорит колхозник с таким безнадеемным видом, словно хочет сказать: «чужоточные мы»... Роговские!

На роговского колхозника смотрят сочувственно, насмешливо, удивленно, смотря, будто спрашивают: «как же вы до жизни такой?»

«Отстающий колхоз» — это «слава» укрепилась за Роговым не на год, не на два, — почти десять лет тащит колхоз тяжкое бремя этой «славы». Переход мой годовые отчеты Роговского колхоза. Ставятся в ряд унылые цифры: урожай ржи в 39 году 30 пудов с гектара, в 45 — 13, в 46 — 27, в 47 — около 28 пудов. Урожай картофеля в 39 году 300 пудов с гектара, в 45 — 120, в 46 — 474, в 47 — 372. Удовольствие в литрах на 1 фуражную корову в 45 году 631, в 46 — 623, в 47 — 462.

Из года в год копится за колхозом задолженность. У них только янц заложил колхоз государству 14.000 штук. А зерно! Неоднократно с колхоза списывали задолженность, неоднократно представляли льготы, и все же на сегодняшний день колхоз должен государству за прошлые годы 330 центнеров зерновых.

Пашни Рогова, те самые пашни, которые дадут урожаи, находятся все в 6—7 километрах от пашни колхоза «Трактор», на которых собирают по 120—130 пудов зерна. Те же земли, то же солнце, те же тупы, почему же такая разница в урожае?

Лучше всего поймешь это, поговорив с людьми.

2. В неприютной комнате правления колхоза собрался колхозник; это люди жизнерадостные, любящие шутку, любящие труд. Беседа течет живо и дружно, пока я не задаю вопроса:

— Чем же все-таки «болеет» ваш колхоз? — и тут сразу начинается неразбериха и путаница.

— У нас на пойме 70 гектаров болот, севя на них нельзя, а нам их приписали как пахотные и хлебостанки с них берут. Шутка сказать, 70 гектаров! От них все наши бедности, — заявляет председатель колхоза Соловьев.

Об этих 70 гектарах говорят все, говорят оживленно и даже с некоторым удовольствием, словно они справывают все грехи и неполадки колхоза, словно за них можно, как за ширку, спрятаться и от людских упреков, и от упреков совети.

— Дайте мне пашню севооборота!

Счетов берет счеты, и мы подсчитываем поле за полем, клетку за клеткой. Множество глаз с напряженным вниманием следят за счетами, каждую ошибку поправляют сразу несколько голосов.

Посчиток окончен, и все озадаченно: оказывается, неудачные болотные земли в счет не идут и госстанки взимаются совершенно правильно.

Так разлетается первый «миф» о причинах отставания колхоза. И тут же возникает второй:

— Многоземелье — это наша главная беда. Непосильна нам наша земля! Люди мало! Работают через силу, рук не хватает, да где же ее всю поднять? Пятьсот-то гектар!

Тогда мы берем трудовые книжки за 47 и 48 год и начинаем просматривать строку за строкой, листок за листком. Оказывается, что наряду с колхозниками, выработавшими из 400—600 трудовых в год, множество таких, которые выработали 200, а то и меньше трудовых.

Вот колхозница А. Н. Огурцова. За 6 месяцев она выработала всего 18 трудовых! Вот А. В. Липина. За год у нее всего 127 трудовых.

— Зачем ей работать! У нее муж тракторист! — говорит колхозник.

Еще и еще, одна за другой, молодые, здоровые женщины, не обремененные большими семьями, работают в колхозе, по существу, только три месяца в году — июль, август и сентябрь. В эти горячие месяцы работают все, а в остальные время года большинство колхозников выработывают от 5 до 15 трудовых в месяц.

Так разлетается второй миф о причинах отставания Роговского колхоза. И тут же возникает третий.

— Скажу я вам всю правду! — говорит Осип Михайлович Потехин, один из лучших колхозников, награжденный медалью «За доблестный труд». — Не в том у нас причина, что земли много, а в том, что веры мало... Который год все пишу да пишу илем.

Прав ли Осип Михайлович в своем утверждении?

Нет, не прав. Об этом говорят нам те же трудовые книжки: основное колхозное ядро состоит из колхозников, выработавших по 300—400 трудовых. Но еще яснее, чем трудовые книжки, говорят о веры в колхоз слова самих колхозников.

— Какой у нас был колхоз! — говорит Потехин, — по 4 килограмма на трудовые получали! Я свиной фермой завладел, — лучше моих свиней во всем районе не было!

Коренястий, розовощекий, с седеющей кудрявой бородой, он так увлекается воспоминаниями, что встал с места, азартно размахивая руками, голубые глаза его блещут.

Волна воспоминаний охватила всех, и все наперебей спешат рассказать мне о славном прошлом своего колхоза. В полеселенных лапах, в блестящих глазах чувствуется вера в колхоз. Колхозники сороковых годов совсем не те, что колхозники тридцатых годов. Колхозники наших дней — это люди, собственными глазами увидевшие преимущество колхозного строя, их вера в колхоз так крепка, что она живет, несмотря на отдельные тяжелые неудачи и испытания.

Так разлетается третий миф о причинах отставания колхоза.

И тогда кто-то говорит:

— «Временщики» нас погубили! Первый временщик был Волков. Три года ходил он у нас в председателе, все добро разбазарил. Сколько раз мы в район писали, просили убрать его, а в районе его поддерживали. Тогда спохватились, когда на фермах пала половина скота. Приехал к нам прокурор, задушил Волкова, однако дохлые коровы от этого обратно не нарождаются. А тут пошел председатель меняться! За годы войны пять председателей сменилось! Какой уж тут колхоз!

И вот, сказав добры неперенных предположений мы добрались до одной из причин отставания Роговского колхоза.

3. Кадры решают все. С сельскохозяйственными кадрами, в частности, с председателями колхозов, вопрос стоит остро в целом ряде районов. Дело в том, что председатель колхоза должен быть не только культурным и знающим сельское хозяйство человеком, но и человеком с особыми личными качествами.

Его работа всегда связана с риском и во многом зависит от стихии: какой-нибудь ливень может сдвинуть график работ целой недели. Это требует особой гибкости, поворотливости.

Всю жизнь председатель живет как бы под стеклянным колпаком: ссора с женой, грубое слово, сказанное матери, тотчас становятся достоянием колхозников и срывают авторитет. Это требует особых моральных качеств и постоянной подтянутости.

Председатель колхоза — не просто хозяйственник и администратор. Он политический руководитель и воспитатель сотен людей. Это требует политической закалки, большевистской идейности, широты кругозора.

Все это подтверждает хотя бы история колхоза «Трактор», который с избранием председателем Бушаева из отстающего превратился в передовой. Очень показателна в этом отношении история колхоза «Красный путиловец», Уренского же района. Здесь сменилось пять председателей, и качества их, как в зеркале, отражены в экономике колхоза.

Хороший председатель — и колхоз крепнет; плохой — и экономический уровень колхоза резко снижается.

У председателя, не связавшего свою судьбу навсегда с судьбой колхоза, особая психология, и недаром в народе прозвали таких «временщиками».

Такой председатель живет сегодняшним днем, его работа бесперспективна, он имеет авторитета скорого и дешевого. Для получения хорошего урожая он, например, распахивает и засеивает зерном клеверные поля, не считаясь с севооборотом. Он получает на один год непохой урожай, завоевывает репутацию человека, подымающего колхоз, хорошо зарабатывает на трудовых... уезжает, оставив колхоз на первый взгляд в хорошем состоянии, а по существу с нарушенным севооборотом, то есть с порочной экономикой.

Именно таким путем нарушили севооборот в Рогове. А нарушенный севооборот — это как раз тот «увязший коток», который может погубить всю пшеничку. Надо было вовремя напрячь все силы, чтобы вырваться из трисины. Этого сделано не было. Снижались урожаи, появлялись бескормича, стал хиреть скот.

Во всем этом основная причина падения Роговского колхоза.

Районные партийные и советские органы не воспитали в роговцах хозяйского чувства, того чувства, когда колхозники, опираясь на устав, созная себя хозяевами артели, не выбирают председателем случайного человека.

Люди отошли от колхоза. Чем хуже они работали, тем меньше получали на трудовые. А чем меньше получали, тем хуже работали. Плохая работа худших колхозников тяжким бременем ложилась на плечи лучших.

Так замыкнулся порочный круг, в котором уже многие годы бьется Роговский колхоз.

4. — Нынче мы посеяли хорошо, организовали индивидуальную сельхушку, лучше работали, чем в том году, — говорит председатель. — Если же доброе лето, то мы бы встали. А теперь?.. Не знаю, что и делать!

— Эх, председатель! — отзывается один из колхозников, — ты в нас должен бойкий большевистский дух вселить, веру поддерживать, а ты сам растерялся!

Сами колхозники сблизуют, сливают в одно целое вопросы организационные с вопросами большевистской закалки, то есть, по существу, с вопросами массовой партийно-политической работы.

Со всех сторон летят предложения:

— Мокропаловский колхоз «Прометей» на одном львовокоме вырвал 79.000

пудов. Они лечь не как мы, не третью озадачи, а выкопком, в выработочном виде. От этого большая прибыль. Вот бы и нам! Гидростанция у нас есть. Приспособить бы электричеством лес обрабатывать?

— А я вам скажу, — горячится Осип Михайлович. — Вероятно, выработать надо. Большие тысячи можно взять.

— И лес и веревочка — это все подсобное, — говорит главный агроном района тов. Алексеев, — главное — клевер, севооборот. Если бы выполняли бы план посева клеверов, урожай были бы больше и корма были бы в скотины. Кроме того, за 1 центнер семян клевера нам ачили бы 5 центнеров зерна, а если славить клевер сверх плана, то один центнер идет за 7,5 центнера зерна!

И тут выплывают на поверхность пережитки прошлого в сознании. Бесами сложилось у колхозников уважение к зерну. Оставить в поле необработанные снопы ржи — это позор, которого не допустил даже самый плохой колхоз. А вот клевер, сеньность которого в 5—7 раз больше, чем пеньность ржи, остается в поле в поле до первого снега, и это никого не возмущает: «Что клевер. Не зерно — трава!»

Так вопросы чисто агротехнические вплотную сопрягаются с вопросами массовой и партийно-политической работы.

5. На недостатки партийно-политической работы в деревне указывалось в историческом постановлении февральского пленума ЦК ВКП(б). Теперь, в 1948 году, на общем фоне подъема сельского хозяйства особенно резко выделяются такие колхозы, как Роговский.

В Рогове всего один член партии и один кандидат. Кажется, ясно, что отстающий колхоз, имеющий очень малочисленное партийное ядро, должен стать в центре внимания руководящих районных да и областных организаций.

Что же получается в действительности?

— Часто ли бывает у вас люди из района, из области? — спрашивают я.

— Часто. Приедут, скажут два слова: «нажимаю», да «скорей» и поехали дальше. Они в хороших колхозах задерживаются, а мы отстающие...

— Бывают ли у вас лекции, беседы по вопросам агротехники или по вопросам политики?

— Один раз за год читали лекцию о международном положении, а больше ничего не было... Лектора больше по хорошим колхозам ездит, а мы отстающие...

Так мы сталкиваемся с явлением страданий и противостоянием. Руководители и районных и областных организаций отовсюду перечислят лучшие колхозы района и области, точно назовут по именам и подробно охарактеризуют председателей лучших колхозов. Но попробуй спросить о худших колхозах. Вам ответят недовольным молчанием и посмотрят на вас так, словно вы совершили бестактность.

Хорошим колхозом приятно погордиться. Плохие же скрываются за средними цифрами района, тонут в мощном потоке общих достижений. И вот на хороших колхозах сосредоточивается все внимание, а от плохих отмахиваются.

Между тем, такие колхозы, как Роговский, требуют самого пристального внимания и самого энергичного делового вмешательства. Это тем более необходимо, что партия и правительство разработали целый ряд мероприятий, открыли множество путей для роста и подъема колхозного хозяйства.

Есть же условия для того, чтобы вернуть Роговский колхоз на светлую и широкую дорогу. Для этого нужны только инициатива и организованность, для этого нужно только довести до сердца и ума колхозников все те возможности, которые у них имеются, для этого нужно уделить больше внимания отстающим колхозам!

ГОРЬКОВСКАЯ ОБЛАСТЬ.

Заведующая библиотекой Клеопатра Павловна Васильева рассказала мне, что все население станицы Кочетовской пользуется книгами станичной библиотеки.

— Плохо только, что книг у нас мало, — жалуется Васильева, — библиотечный коллектор снабжает скудно и не всегда учитывает наши потребности. Задали прислать нам «Шинель» Н. В. Гоголя. В каждой посылке... Уже двенадцать «Шинелей» набралось!

Таким образом, заключение Акакия Акакиевича уже известны всем жителям Кочетовской. А как обстоит дело с новинками советской литературы? С произведениями ростовских писателей? Общественно-книгоиздательство выпустило сборник очерков В. Фоменко «Обыкновенные люди», правдиво рассказывающих о трудовой доблести донских колхозников.

— Этот книги у нас нет — говорит Клеопатра Павловна. — Купить бы, — деньги есть, — да где купить?

В Кочетовской почтовом отделении плакаты сообщают о разного рода почтотелеграфных услугах, но нигде ни слова о книгах.

— Литература? Как же, есть, — равнодушно отвечает начальник отделения тов. Волобуев.

Нетерпеливо закончив почтовые операции, он отпирал чуланчик, где, скрытые от людского глаза, хранились книги.

— Как же вы распространяете литературу?

— Да вот, даю колхозным письмоносцам. Только берут они ее неохотно. Нет интереса. Ничего за продажу книг они не получают.

«Интереса» к книге нет не только у письмоносцев. Года два назад начальник областного отдела Союзпечати тов. Мальцев и управляющий областными книгоиздательством тов. Аведков неизменно вступали в бурный спор: как делить тиражи книг Ростовиздата?

— У меня большая сеть! — горячо доказывал тов. Мальцев. — Книжки торгуют только в городах и 35 районах, а Союзпечать — по всей области. Мы можем доставить книгу до каждого колхоза. Дайте нам минимум половину тиражей.

С течением времени голос тов. Мальцева звучал все тише, затем совсем умолк. Сейчас работники Союзпечати доказывают, что на книги нет спроса, что книги «не идут», и с такой же энергией отказываются от книг, с какой раньше их догоняли. Альманах «Дон» № 10 издал 500 экземпляров и разошелся в те города области, не дав селу ни одного экземпляра. От книги «Дон и его притоки» совсем отказались, хотя в пригородных районах на нее большой спрос.

Плохо, очень плохо продвигает Союзпечать книги на село. Видимо, так обстоит дело не только в Ростовской области. 19 июня министр связи СССР тов. Пуширив издал приказ об улучшении распространения литературы на селе. Прошло более двух месяцев, однако ничего не поменялось. Я побывал в трех районах: Константиновском, Семикаракорском и Багаевском — везде одна и та же картина: об агитмашинках и агитфурагонах и не помышляют, полные станы не обслуживают, никаких специальных мест для продажи книг нет.

И повсюду удивительно равнодушное, беззаботное отношение к книге! Начальник почтового отделения не отвечает за реализацию книги. Почтотелеграфные операции, продажа марок — это план, за это нужно отчитываться. А книги — вроде общественной нагрузки. Ош, видите ли, в план не включены. Вот почему, как открыто объяснил мне начальник Кочетовского почтового отделения тов. Волобуев, у него «нет интереса» к распространению литературы. Книготорговля не входит в баланс и районных контролей связи.

Заместитель управляющего областными книгоиздательством тов. Юзефович показал мне большую фотографию: у колхозного тока стоит книжная автолавка, вокруг толпятся колхозники, покупают книги. Эта автолавка побывала в 37 колхозах и 4 МТС Большее-Крепинского и Куйбышевского районов и за 10 дней продала литературы почти на 15 тысяч рублей. Вот почему, как открыто объяснил мне начальник Кочетовского почтового отделения тов. Волобуев, у него «нет интереса» к распространению литературы. Книготорговля не входит в баланс и районных контролей связи.

Сеть книгоиздательства распространяется. Сейчас есть магазины в 51 районном центре. Вскоре откроются магазины и в остальных районах. Но как работают раймагазины? Магазины в станице Багаевской забили книгами. В углу, в груде книг, находим намеченные узавязанные пакеты брошюр о пенейшем опыте колхозников — Героев Социалистического Труда. На полках этих брошюр нет. Под прилавком — тоже тучки и пакеты с книгами, забытые в мешках не извлекаемые на свет.

В магазине висит лозунг, призывающий любить книгу, но сам заведующий магазином тов. Холыков книги не любит. Хотя бы малейший проблеск инициативы, хоть бы одна попытка приблизиться к читателю, заинтересовать его, хоть бы чуточку желания выйти за пределы районного центра!

В Константиновском раймаге план выкладывается и «затоваривается» нет. Но и этот магазин ограничивает свою деятельность рабочим посещением. А ведь в районе — десятки колхозов и есть сельсоветы, укрупненные от райцентра на 40—60 километров. Туда книга не доходит.

Есть еще одна организация, причастная к торговле книгой: Облпотребсоюз. Он имеет в области около 2.000 магазинов: молочная, глубоко проникающая торговля сель. Облпотребсоюз ВКП(б) облас Облпотребсоюз покупает 25 процентов тиражей массово-политических и сельскохозяйственных изданий Ростовиздата. Однако управляющий кулбазой Облпотребсоюза тов. Локшарев беззастенчиво подписывает требования в адрес Ростовиздата на 100 экземпляров каждого названия. Как делит тов. Локшарев эти 100 экземпляров на 2.000 магазинов? Постраннично, что ли?

Итак, что же могут ответить работники книгоиздательства и Облпотребсоюза на вопрос, заданный тов. Васильевой: где купить книгу? Этот вопрос волнует жителей сотен таких станиц, как Кочетовская, несправедливо забытых и тов. Мальцевым, и тов. Юзефовичем, и тов. Локшаревым. Отвечать на него надо не словами, а делом.

А. ГОНЧАРОВ

РОСТОВ-НА-ДОНУ.

По следам выступлений «Литературной газеты»

НЕОБЫЧАЙНАЯ ИСТОРИЯ ОДНОГО ИЗОБРЕТЕНИЯ

22 августа в «Литературной газете» была опубликована корреспонденция Н. Лебедева «Необычайная история одного изобретения», в которой сообщалась история изобретения инженера Л. И. Козловского, сконструировавшего установку для электросварки сеток бумагоделательных машин.

По поводу этой корреспонденции министр лесной и бумажной промышленности СССР тов. Г. М. Орлов сообщил корреспонденту «Литературной газеты» следующее:

— Работа инженера Козловского, о которой сообщила газета, представляет огромный интерес для бумажной промышленности. В настоящее время тов. Козловский вызван в министерство для того, чтобы ознакомить руководство министерства с предложенным изобретением.

Министерство сделает все возможное, чтобы обеспечить тов. Козловскому необходимые условия для успешного осуществления его идеи, имеющей большое значение для нашей отрасли промышленности. Министерство лесной и бумажной промышленности имеет в Ленинграде научно-исследовательский институт и опытные мастерские, где тов. Козловский сможет проверить на практике свое предложение.

ромный интерес для бумажной промышленности. В настоящее время тов. Козловский вызван в министерство для того, чтобы ознакомить руководство министерства с предложенным изобретением.

Министерство сделает все возможное, чтобы обеспечить тов. Козловскому необходимые условия для успешного осуществления его идеи, имеющей большое значение для нашей отрасли промышленности. Министерство лесной и бумажной промышленности имеет в Ленинграде научно-исследовательский институт и опытные мастерские, где тов. Козловский сможет проверить на практике свое предложение.

Примиренчество и самоуспокоенность

А. КРОВОТ

Институт истории Академии наук СССР является крупнейшим в Союзе научно-исследовательским учреждением, занимающимся разработкой вопросов истории. За время своего существования он проделал немалую работу и внес значительный вклад в советскую историческую науку. Об этом свидетельствуют некоторые труды, выпущенные им за последние годы и отмеченные Сталинской премией.

Но было бы неправильно, если бы успехами не видеть серьезнейших недочетов в деятельности института, приведших к созданию его работниками низкокачественных, нередко антимарксистских, политических вредных и идейно порочных исторических трудов.

Институт истории была выпущена монография академика С. Б. Веселовского — «Феодалы и землевладение в Северо-Восточной Руси», т. 1. Эта книга, являющаяся плодом многолетнего труда автора, страдает серьезными пороками. Важнейшие вопросы истории русского государства феодальной эпохи трактуются в ней с антимарксистских позиций.

Например, разложение феодализма объясняется автором чисто биологически — естественным разложением служилых людей. Такой же биологический принцип положен в основу рассуждений о формировании русского национального государства с центром в Москве. А таким фактам, как отказ от рабского труда в ряде хозяйств и массовый отпущ холопов на свободу, дается откровенно буржуазное, идеалистическое объяснение. Все эти рассуждения, как результат влияния духовности и церковной пропаганды. Читая книгу С. Б. Веселовского, трудно поверить, что автор — советский ученый и что издавна она в 1947 году советским научно-исследовательским учреждением.

Книгой С. Б. Веселовского, в сожале-

нию, не ограничивается перечень антимарксистских работ, выпущенных Институтом истории за последние годы. Примером может служить сборник «Петр Великий» (1947 год). Помещенная в нем статья самого редактора А. И. Андреева о пребывании Петра в Англии в 1698 году фальсифицирует историю нашей родины, пропихивая низкопоклонство перед иностранщиной. В ней неправильно трактуется влияние Англии и английской культуры на Петра и на характер его государственной деятельности. Другой автор, С. А. Фейгина, в критическом обзоре иностранной литературы о Петре за последние четверть века, по сути дела, пропагандирует антинаучные взгляды буржуазных, в том числе и фашистских историков, объявляя их гравую клевету на великий русский народ и приводя в качестве теории русского исторического процесса. Советский историк Фейгина не только не отвергает эти фашистские бредни, но, забываясь от восторга, объявляет реформируемые ею «труды» весьма ценными, так как «иностранцы авторы располагают более свежим материалом, как раз по разделам, смежным с историей Западной Европы».

Немарксистской является и работа научного сотрудника института И. У. Будникова — «Русская публицистика XVI века», получившая, однако, высокую оценку при обсуждении ее на заседании ученого совета института в качестве кандидатской диссертации (опубликована в 1947 году издательством Академии наук СССР). Эта книга была подвергнута резкой, совершенно справедливой критике на совещании коммунистов — научных работников Киевского района Москвы.

Мы не говорим уже об ошибочных, полных политически порочных книгах, выпу-

щенных институтом по другим отраслям исторических знаний. Назовем лишь «Византийский сборник» и сборник «Средние века» под редакцией Е. А. Босняковского (изд. 1946 г.).

Институт не может снать с себя ответственности и за ошибки, допущенные членом ученого совета М. Н. Тихомировым в первой части учебника по истории СССР для педагогических училищ (вышедшем в 1947 году в издании Учпедгиза), а также старшим научным сотрудником института Г. Нотвичем в книге «Захватчицкая политика германского империализма на востоке в 1914—1918 гг.» (Госиздат, 1947 г.).

Факты являлись срывов в опубликованных Институтом истории Академии наук СССР трудах говорят сами за себя. Они свидетельствуют о том, что, несмотря на большой срок, прошедший после решения ЦК ВКП(б) по идеологическим вопросам, Институт истории до сих пор не взялся за выполнение задач, стоящих перед советской исторической наукой. Отдельные успехи некоторых историков, нашедшие выражение в трудах, удостоенных Сталинской премии, не меняют общей картины. Методологическая слабость, теоретическая отсталость значительной части кадров мешают институту развернуть работу широким фронтом в добитесь позитивного творческого подъема.

Основным и главным препятствием для преодоления крупнейших недочетов в серьезнейших ошибках, имеющихся в деятельности Института истории, является отсутствие в его стенах должной критики и самокритики. В институте укоренилась гнилая традиция рабского перед учеными «авторитетами», хотя бы они и лозоаологи марксистско-ленинским методом. Руководители института забыли неоднократно указывая товарища Сталина о том, как надо воспитывать кадры. Только этим можно объяснить тот факт, что дирекция Института истории, зная об антимарксистском характере кон-

цепции Веселовского, представила его монографию в печать, ограничившись предисловием, которое вызывает полное недоумение.

Цель «предисловия», повидимому, заключалась в том, чтобы отметить общепризнанность взглядов С. Б. Веселовского, словно речь идет о дореволюционном русском историке или современном буржуазном, а вовсе не о советском, ныне здравствующем ученом. Критику методологических установок автора, составителя «предисловия» не дают им острой большевистской оценки и ограничиваются лишь признанием, что эти установки «не могут быть приняты современной (!) исторической наукой».

Как бы опасаясь, что Веселовский может обидеться, авторы «предисловия» расшаркиваются перед ним, не скупясь на похвальные комплименты: «Обилье, снательность и яркость вновь найденного и исследованного материала; громадное количество не известных ранее фактов... тонкая, филигранная исследовательская техника... все это позволяет рассматривать монографию С. Б. Веселовского как крупное явление в советской (!!) историографии по раннему русскому феодализму». Авторы обнаруживают у Веселовского множество «...гаубких и тонких наблюдений, ценных построений и обоснованных выводов по ряду конкретных вопросов».

Вместо того, чтобы опубликовать заведомо порочную работу, институт должен был подвергнуть серьезной критике неприглядные взгляды С. Б. Веселовского, должен был помочь ему встать на единственно верные, марксистские позиции и коренным образом переработать монографию. Институт не имел права выступить в свет книгу, способную лишь идейно дезориентировать нашу научную молодежь.

К чему приводит боязнь кого-либо обидеть, видно на примере обсуждения в секторе истории СССР до XIX века сборника «Петр Великий». Это обсуждение состоялось после появления в журнале «Военная мысль» откровенно репрессивной. Работники сектора, во главе с его руководителем С. В. Бакушиным и редактором

сборника А. И. Андреевым, заняли неприглядную позицию защитников «чести мундира» института. Единым фронтом они ополчились против рецензента тов. Строкова.

Редактор сборника Андреев в своем выступлении слово сослался на то, что «книга готовилась в 1942—44 гг. а вышла в свет в 1947 г.», что он «не перепечатал своей статьи» и что многое из того, что в ней есть, он «не стал бы писать теперь».

Автор другой, еще более ошибочной статьи — С. А. Фейгина — «теоретическая» обосновала конъюнктурную, которой прикрывался Андреев.

Выступление проф. В. И. Лебедева, разоблачившего политическую вредность сборника Фейгиной, было взято под обстрел. Предложение, сделанное некоторыми из приглашенных лиц, указать Фейгиной, редактору сборника и петровской комиссии института на допущенные ими политические ошибки, не было поддержано. «Чужие» голоса остались одиночными в «своем» доме сотрудников сектора истории СССР до XIX века.

На совещании присутствовал зам. директора Института истории В. И. Шуклов, но он ни слова не сказал за того, чтобы направить обсуждение по правильному руслу.

Явное неблагополучие в области изучения более древних периодов истории соединяется в институте с недоуменкой разработкой вопросов новейшего времени, особенно истории СССР советского периода. Тематика института резко повернута в далекое прошлое. Из выпущенных в 1947—48 гг. издательством Академии наук 25 книг по истории нет ни одной, посвященной истории советского государства. В «Исторических записках» за 1947—48 гг. из 25 статей только одна относится к советской эпохе.

История советского общества является самой молодой отраслью работы института. Она едва насчитывает 10 лет существования. Но для ее развития в институте не созданы условия. Непрерывные смены заведующих и их заместителей, отсут-

ствие целеустремленности в работе, текущие кадры, недостаток высококвалифицированных и опытных работников — все это привело к тому, что сектор истории советского общества до сих пор не выпустил в свет ни одного труда.

Ни одна сколько-нибудь крупная плановая тема ни разу не была доведена сектором до конца.

До Великой Отечественной войны работниками сектора было затрачено много сил и времени на составление научной летописи пролетарской революции. В 1941 году работа эта была прекращена и больше не возобновлялась. В эвакуации (Ташкент) сектор приступил к созданию истории Узбекистана советского периода (т. III). Когда почти все главы были уже в основном написаны, институт вернулся в Москву, и... сектор прекратил работу на разработку истории коллективизации. К концу 1946 года был готов первый сборник по этому вопросу. Но света он так и не увидел. На сей раз повелом послужила реорганизация сектора. Опять перед ним были поставлены новые тематические задачи.

В 1948 году сектор должен дать два крупных исследования: историю СССР в восстановительный период и историю Москвы 1917—41 гг. План этот снова находится под угрозой срыва.

В Институте истории имеется около 100 коммунистов — научных работников. Они могли и должны были бы активно влиять на ход работы. Но этому мешает отсутствие критики и самокритики внутри партийной организации института.

Партия, правительство, товарищ Сталин придают огромное значение исторической науке, ставят перед ней исключительные по своей важности задачи. Для того, чтобы Институт истории Академии наук СССР мог играть ведущую роль в области развития исторической науки в нашей стране, он должен, прежде всего, быть центром страстной и непримиримой борьбы за марксизм-ленинизм. Он должен быть стро и решительно наказать имеющиеся в его работе серьезные недочеты и ошибки. Единственный путь к этому — смелая и открытая критика и самокритика.

За новый под'ем азербайджанской советской литературы

Центральный Комитет КП(б) Азербайджана обсудил вопрос о состоянии азербайджанской советской литературы и принял по этому поводу развернутое решение.

За два года после исторических постановлений ЦК ВКП(б) по идеологическим вопросам и творчестве азербайджанских писателей наметился некоторый поворот к современной тематике, они создали ряд произведений, которые явились попыткой отобразить участие азербайджанского народа в Великой Отечественной войне, их борьбу за осуществление задач послевоенного строительства.

Азербайджанская художественная проза обогатилась произведениями Абулгасана «Война», Садыкова «Васи», повестями М. Гусейна «Ашперо» и М. Сулейманова «Тайна пещер», посвященными труду бакинских нефтяников. В поэзии с новыми стихами о современности выступили С. Рустам, А. Джамиль, молодые поэты А. Бабаев, В. Вазехов и другие. Определенная удача азербайджанской драматургии — удостоенная Сталинской премии пьеса В. Мамаджанлы «Утро Востока», о героической борьбе трудящихся Азербайджана за установление советской власти, а также пьеса И. Эфендиева «Светлые пути» — о напряженной борьбе нефтяников за скорочное выполнение планов послевоенной пятилетки.

Но эти произведения затронули лишь малую часть чудесной, многообразной действительности Советского Азербайджана. На просторах этой республики возводятся крупнейшие новостройки послевоенной пятилетки — Мангачаур, Сумгаит, Дашкесан. На нефтяных промыслах, оснащенных могучей техникой, неустанно повышается добыча нефти; колхозы, вооруженные передовой советской наукой, неустанно развешивают хлопководство. В социальном труде стремительно растут замечательные люди Азербайджана, их духовный мир необычайно богат и содержателен, их повседневные интересы всеобщими и широкими.

Богатейшая творческая жизнь трудящихся республики, подвиги строителей Мангачаура и Дашкесана, самоотверженная работа нефтяников, колхозников-хлопководов, многоотраслевая интеллигенция городов и сел — все это до сих пор не нашло глубокого и правдивого отражения в художественных произведениях. Как отмечает ЦК КП(б) Азербайджана, «перестройка азербайджанской советской литературы в свете постановлений ЦК ВКП(б) по вопросам идеологической работы проходит совершенно неудовлетворительно. Азербайджанская художественная литература слабо отвечает в своем развитии и не отвечает растущим требованиям советского народа». Оставление литературы объясняется тем, что большинство писателей оторвано от жизни, отстал от возросших запросов времени.

Еще не все писатели прониклись сознанием величайших перемен в окружающем действительности, не стали в авангарде кипучей, творческой жизни своего народа. Именно в таком положении оказались, в частности, виднейшие писатели Азербайджана, как Самед Вургун, Сулейман Рустам, Расул Рза, Саид Рахман и другие. В прошлом они создали немало нужных, идейно целеустремленных и полных художественных произведений. Но после того эти писатели не перестроили свою творческую работу в соответствии с указаниями партии и не дали своему народу ни одного сколько-нибудь значительного произведения на современную тему.

Социалистический реализм — творческий метод советской литературы — требует от писателя активного вхождения в жизнь, в практику нашего строительства. Большинство же азербайджанских писателей почти совсем не бывало на промышленных и заводских предприятиях, в колхозах и на новостройках, мало общаются с людьми, пренебрегают изучением жизни, полагаются на «писательскую интуицию». Полагая, что у многих писателей существуют устаревшие представления о рабочих, колхозниках и интеллигенции, их политическом и культурном развитии. Основываясь на таких представлениях, многие азербайджанские прозаики, поэты преподносят читателям идею тусклую, художественно беспомощные произведения с надуманными сюжетами, с трафаретными, схематичными образами, нестройные по композиции и невыразительные по языку.

Недостаточно знание жизни сказывается и в тех немногих произведениях, что посвящены современной тематике, стремлению изобразить созидательный труд нефтяников. Второстепенные, малозначительные эпизоды и назуманные конфликты заслоняют в них подлинный героизм тружеников нефти. Даже положительные образы этих произведений не отличаются высокой идейностью, цельностью характеров.

Отставание азербайджанской литературы объясняется и тем, что писатели слабо отстали в своем идейно-теоретическом и культурном развитии. Это привело многих писателей к серьезным идейным ошибкам в их произведениях и сказывается, в частности, на романе Абулгасана «Война». В первой части романа автор допустил серьезную ошибку, выразившуюся в непонимании того, что высокие моральные качества советских людей, их патриотизм, национальная гордость были воспитаны партией еще в годы мирного социалистического строительства.

Многие писатели слабо владеют методом социалистического реализма, недостаточно понимают его сущность и принципиальное отличие от критического реализма. До сих пор они пишут произведения, дающие односторонне-негативную и потому неверную оценку нашей действительности. Так, в первой части романа С. Рагимова «Сачам», в его же «Халау-паша», «Шербат Али», в повестях и рассказах Мир Джафара «Открытая книга», М. Гусейна «Черные глаза» и «Сердце», по существу, культивируется отживший метод критического реализма; советская действительность изображается односторонне, как в кривом зеркале.

Некоторые азербайджанские писатели и критики плохо разбираются в вопросах партийности и народности советской литературы. Они объявляют образцами народности примитивные, идейно неполноценные, художественно слабые произведения, в которых жизнь советских людей изображается упрощенно, путем механического использования фольклорных традиций. Это привело к оправданию примитивизма и консерватизма в литературе, — прежде всего, в азербайджанской поэзии. Многие поэты-псевдонимники охотно и на один шаг пишут беспредельные, риторические произведения, воспевают красоту рек, родников, звезд и не замечают величайших перемен, всенародного социализма в жизнь народа и в самую природу. Псевдонимность и формализм приводят к отчуждению многих писателей от современности, от передовых идей времени, от лучших достижений и реалистических традиций русской и азербайджанской классической и советской литературы.

Такими же недостатками страдает в целом и азербайджанская литературная критика. Она отстала от важнейших вопросов современности и от духовных запросов советских людей, слабо владеет марксистско-ленинской методологией, не развинула принципиальной и последовательной борьбы за большевистскую идеологию и партийность азербайджанской литературы, за преодоление писателями формалистических и иных ошибок.

Часть азербайджанских критиков оторвалась от современной советской литературы, безразлично относится к ее насущным проблемам. Другие критики оказались бессильными дать глубокий марксистско-ленинский анализ литературных явлений, разоблачить отсталые взгляды на литературный процесс, выявить методологические пороки в творчестве отдельных писателей, указать азербайджанскую литературу с верного пути социалистического реализма на путь отвлеченной романтики и псевдонимности.

В литературоведческих работах подчас проявляется марксистское отношение к литературному наследию. Творчество писателей прошлого изучается в отрыве от конкретных исторических и социальных условий; реакционность, историческая ограниченность взглядов этих писателей замалчиваются.

Отмечая все эти недостатки, постановление ЦК КП(б) Азербайджана указывает, что отставание азербайджанской литературы и критики явилось результатом неудовлетворительной работы Союза советских писателей Азербайджана, его президиума. Руководство Союза не сделало всех необходимых выводов из исторических постановлений ЦК ВКП(б) по идеологическим вопросам и не сумело в должной мере перестроить работу писателей республики в соответствии с задачами, поставленными партией и советским народом.

В Союзе советских писателей Азербайджана отсутствуют критика и самокритика, процветают приятельские отношения, имеют место мелкие интриги, болезненное самозащитное и замкнутость у отдельных писателей. Творческие сдвиги Союза бездействуют; воспитание молодых писателей поставлено неудовлетворительно.

ЦК КП(б) Азербайджана наметил практические меры по устранению ошибок и недостатков в азербайджанской советской литературе. Он обязал правление Союза советских писателей Азербайджана добиться коренного улучшения творческой работы писателей, ликвидации их отрыва от жизни.

Создавая полноценные в идейном и художественном отношении произведения, отображающие жизнь нефтяников, колхозников и интеллигенции республики, их массовый героизм, азербайджанские писатели обязаны дать глубокий и всесторонний анализ их борьбы на трудовом фронте, протекающей в непрерывном наступлении на все косное, отсталое, рутинное, мешающее нашему движению вперед. Произведения азербайджанских писателей должны в художественных образах раскрывать сталинскую дружбу и братство советских народов, показывать преимущества социалистического строя перед капиталистическим, вести решительную борьбу с ликвидаторством перед буржуазией кулацкой.

Постановление ЦК КП(б) Азербайджана указывает путь нового подъема и развития азербайджанской советской литературы.

Толстой вошел в историю русской литературы как величайший художник-повтор. Он был глубоко убежден в том, что искусство, так же, как и жизнь, находится в состоянии непрерывного развития, оно не терпит застоя. Поэтому писатель должен постоянно искать новое содержание и новые формы для своих произведений, ибо искусство «должно быть современным — искусством нашего времени».

Толстой внес в литературу неукротимый дух исканий. Он явился изумительным мастером психологического анализа. Н. Г. Чернышевский проникновенно раскрыл эту особенность творчества русского писателя. Великий критик дал классическое определение творческой стилистики Толстого, установив, что в отличие от других писателей его более всего интересует «самый психический процесс, его формы, его законы, — диалектика души, чтобы выразить определенными терминами». Но главное, что отличало его, — это было новое видение мира. Толстой смотрел на мир чуждыми глазами наивного крестьянина, человека труда, тесно связанного с природой. Это и позволило ему увидеть всю фальшь и ложь цивилизации господ. А новое видение мира обусловило создание произведений, отличительными чертами которых являются самая трезвая правда, необычайная искренность, огромная сила обличительного пафоса и высокие нравственные идеалы.

После отмены крепостного права в 1861 г. старые патриархальные порядки под влиянием капитализма рухнули с невиданной быстротой, вызывая огромное разорение народных масс. «Вот эта быстрая, тяжелая, острая ломка всех старых «устоев» старой России и отразилась в произведениях Толстого-художника, — писал Ленин. Толстой пережил подлинную духовную драму. По рождению и воспитанию он принадлежал к высшему дворянству, по полному влиянию огромных социальных потрясений в стране Толстой переносит во всем привычные взгляды своего класса и становится выразителем интересов многомиллионных масс русского патриархального крестьянства. Русский народ питал творческую мысль великого художника. Это и обусловило величие Толстого. Тесная связь с народом определяла и все обличительные особенности его искусства.

Правда, Толстой понимал народ, только как стихийную «революцию» сил исторического процесса. И в этом заключалось глубокое отличие его позиции от позиции революционных демократов, зорко которых были также прикованы к народу.

Революционные демократы не становились на колени перед «типичным» русским мужиком, не унывали его мнимыми добродетелями, они страстно восставали против проявлений «рабей» психологии в русском крестьянстве, являющейся в нем следствием многовековой жизни на положении «крещеной собственности», они всемерно пробуждали и стимулировали революционную активность народа, стремились направить ее на свержение крепостничества.

Толстой же, напротив, относясь глубоко отрицательно к революционным методам преобразования действительности, считал патриархального мужика воплощением высшего нравственного идеала, наиболее цельным человеком, живущим в полном соответствии с законами природы. Интеллигенция, по мысли Толстого, не может учить этого мужика, а должна сама учиться у него, она обязана постигнуть основы

сельского хозяйства. Сама эта работа предполагает действие большого коллектива и дает писателю благодарный материал для воспитания в детях чувства коллективизма. Однако в новой повести О. Донченко «Заповедное слово» все совершается индивидуальным подвигом девочки Дюки: она выходит в поле и одна собирает «жука-кузку», совершая это как некое таинство.

Особо надо сказать о проблеме изображения природы в детской литературе. Понимание природы — важный фактор в материалистическом понимании мира. И подход писателя тут может быть только один: это материалистическое освещение явлений природы и происходящих в ней процессов, изображение активного воздействия человека на природу. В повести же О. Донченко природа постоянно реагирует на действия человека, как некая разумная, живущая своей отдельной жизнью, самодовлеющая сила. В итоге выходит, что не реальный, мыслящий человек, переделывающий природу, является основной силой жизни, а сама природа с ее тайнами и секретами, мало доступными людскому пониманию. Все это тем более вредно, что разговор идет с детьми!

Этот пример поучителен. О. Донченко — талантливый писатель, он создал много интересных книг для детей. Но отсутствие глубокой и своевременной критики привело писателя к серьезным идейным срывам. Здесь уместно сказать, что вообще наша критика почти не интересуется детской литературой. Поверхностные, случайные рецензии о детских книгах, появляющиеся в печати, ничему не учат ни авторов, ни читателей. В начале этого года республиканская молодежная газета «Сталинское племя» выступила с превосходной инициативой — она организовала на своих страницах дискуссию по вопросам детской литературы. Но и эта дискуссия не дала больших результатов, прежде всего, потому, что большинство критиков и ведущих наших писателей не приняла в ней участия.

К сожалению, президиум ССН Украины не занимается вопросами детской литературы. Он отдал их на попечение секции детской литературы при Киевской организации ССНУ, а эта секция, лишняя всякой помощи, оказалась не способной планомерно руководить делом.

Мы надеемся, что создание детских писателей послужит толчком к новому подъему детской украинской литературы, уже завоевавшей любовь и доверие миллионов своих юных читателей.

С. БЫЧКОВ

его «нравственной жизни» и затем стать на путь опровержения. Именно в этом был пафос толстовской теории нравственного самосовершенствования.

Идея духовного единения с народом волновала Толстого с первых дней его сознательной жизни. Пафосом этого единения проникнуты его «Севастопольские рассказы». Дворянский рефлектирующий интеллигент Нехлюдов из «Утра помещика», пораженный целостностью натуры крестьянского парня Илюшки, желал бы быть таким же, как он. Герой «Казаков» Оленин, охваченный поэзией простой и правдивой жизни казачества, видит воплощение своего нравственного идеала в казаке Лукашке и решает стать простым казаком. Однако ни Нехлюдов, ни Оленин не достигают желаемого идеала. Исканье путей сближения с народом охвачены также князь Андрей и Пьер Безухов, герои величайшей эпопеи Толстого «Война и мир».

Пафос «Войны и мира» — поэтизация патриотизма и героизма русского народа; борьба народа с наполеоновскими полчищами посвящена самым вдохновенным страницам романа. Близость к народу определяет моральные качества героев произведения. Чем ближе герой к народу, тем богаче и разнообразнее его духовная жизнь, одаренное его натура, благороднее и милее весь его облик.

Накануне Бородинского сражения князь Андрей остро переживает тревогу за судьбы родины и русского народа. Его ненависть к французам достигает высшего предела. «Французы разорили мой дом и пугают разорить Москву, оскорбили и оскорбляют меня всякую секунду, — рассуждает он. — Они враги мои, они преступники все по моим понятиям. И так же думает Тимохин и вся армия. Надо их казнить».

Пьер, приехавший в этот вечер в Бородино, созвучается с князем Андреем. После разговора с ним все виденное за этот день, все величественные картины приоткрытия в сражении стали для Безухова ясны и понятны, действия многочисленных людей были проникнуты глубиной и чистым патристическим чувством. «Он понял теперь весь смысл и все значение этой войны и предстоящего сражения...» За мигущие годы Пьер пережил многое, но только здесь, на Бородине, он встретил простых русских людей, и эти доселе неведомые ему люди открыли перед ним новый мир естественных и благородных чувств, они возбудили в Пьере огромное желание переменить всю свою жизнь. Стать проще и естественнее, «быть солдатом, просто солдатом».

В плену Пьер встречается с Каратаевым, который кажется ему олицетворением простоты и правды. Каратаев, несомненно, воплощает в себе некоторые черты наивного патриархального крестьянина. Но перед нами не живая личность, а идеализированный образ, в нем нет ничего от реального солдата, почти невозможно представить себе Каратаева с оружием в руках. Каратаев лишен черт индивидуального человека. Он одинаково безучастно относится к добру и злу. В сущности, объективный смысл образа Каратаева заключается в апологии пассивности и невинного страдания. Не борьба с такими условиями жизни, которые обрекают людей на страдания, а умирание и любовное самими страданиями — вот к чему зовет Каратаев. На создание этого образа наиболее отчетливо проявились реакционные черты идеологии Толстого, его проповедь непротеста злу насильем.

Все заклятые враги русского народа, разные фальсификаторы и в истории и в литературе пытались до самого последнего времени истолковывать образ Каратаева как воплощение подлинного русского национального характера. Но в их неумных критических статьях не было ни слова исторической правды, они стремились оклеветать русский народ. Да и сам Толстой в этом же романе создал подлинный апофеоз патриотизму и героизму народа, который активно боролся с врагом. Этому народу был глубоко чужд каратаевский смирение и непротестность.

В осмыслении исторических причин, вызвавших 1812 год и последняя Отечественная война, Толстой приходит к глубоко ошибочным выводам. Он утверждает, что все исторические события предопределены свыше, что на всем лежит печать фатализма, обрекающего исторического деятеля на роль пассивного созерцателя событий. Эта теория и определяла характер ряда образов романа и прежде всего образа Кутузова.

Исторический Кутузов был гениальным полководцем, все его военные операции отличались глубокой стратегической замкостью. Отечественная война 1812 года, в ходе которой он, по словам товарища Сталина, «загубил Наполеона и его армию при помощи хорошо подготовленного контрнаступления», являлся триумфом полководческого искусства Кутузова, которое оказалось выше полководческого искусства Наполеона. Между тем на страницах «Войны и мира» мы видим Кутузова лишь мудрым наблюдателем, ничему не мешающим, но ничего не организующим.

Среди историко-философских рассуждений Толстого основополагающее значение имеет следующее: «Если допустить, что жизнь человеческая может управляться разумом, — то уничтожить возможность жизни». В этой формуле как бы сконцентрирован смысл всех исторических и асоциально-теоретических отступлений романа, преследующих цель унизить роль человека в исторических событиях. В насильственном стремлении Толстого принизить значение разума в жизни нельзя не видеть определенного полемического задания романа. Поэтизируя стихийные законы жизни, Толстой тем самым выражал несогласие со взглядами разношерстными-пестрыми, которые, по его мнению,

слишком много надели возлагами на разум. Особенно воспевал разум Д. Писарева в статьях, появлявшихся в печати в годы самой напряженной работы Толстого над «Войной и миром».

В романе «Анна Каренина» Толстой с напряженным вниманием всматривается в порочную общественную жизнь России. Многие глубоко чужды ему в этой жизни. Рухнула крепостническая порочность, в стране «укладывался» буржуазный строй. Социальные сдвиги эпохи определяют судьбу многочисленных действующих лиц романа, вносят в их жизнь атмосферу неуверенности, тревоги и катастрофичности. Все тронулось со своих мест, все находится в пути, и не видно пока стабильного назначения. На всю жизнь легла густая тень красной, переломной эпохи.

Герой романа Константин Левин переживает духовную драму. Это его устоями Толстой метко и выразительно определяет сущность происходящих социальных перемен: «У нас теперь, когда все это перестроилось и только укладывается, вопрос о том, как уложить эти условия, есть единственный важный вопрос в России». Ленин в статье «Д. Н. Толстой и его эпоха», привел эти слова Левина, пишет: «трудно себе представить более меткую характеристику периода 1861—1905 годов».

В романе «Воскресение», явившемся в русской литературе вершиной критического реализма, Толстой поставил ряд важнейших социальных и политических вопросов.

Толстой создает потрясающие картины вымирания крестьян в деревне. Страшный образ «ребеночка в суконке» является символом безмерности народных страданий. Страницы романа о русском крестьянстве, написанные Толстым под влиянием впечатлений опустошительных голодных бедствий голодов, звучат латинским призывом ко всем передовым людям русского общества — поспешить на помощь мужику, «нашему кормильцу... учителю». Писатель справедливо видел главную причину бедственного положения крестьянства в том, что «у народа была отнята земля, земля, с которой одной он мог кормиться».

Еще ни в одном из своих предшествующих произведений Толстой не подвергал такому беспощадному разоблачению все институты буржуазного общества — казенную церковь, суд, милитаризм, буржуазную мораль, как он это делает в «Воскресении».

Толстой убежден, что будущее принадлежит народу, что не аристократы, а люди труда уже теперь составляют «большую часть света». Но как сделать, чтобы народу стало лучше, как сделать, чтобы не было худших маленьких в суконке, чтобы не выжирали мужика от голода, чтобы не было невинно осужденных, чтобы не было в обществе лжи и обмана, чтобы богатые и сытые не глумились над трудовым народом, — на все эти вопросы Толстой не мог дать правильного ответа. Он полагает, что спасение человека заключается в его нравственном самосовершенствовании, а наиболее действенным средством борьбы с «царствующим злом» является непротестное зло насильем. Своей проповедью всепрощения, всеобщей любви Толстой нанесил величайший вред освободительному движению, вред тому самому угнетенному, обманутому, заморозкованному и распятому всякими палачами и насильниками человеку, но имя защиты прав которого он написал столько прекрасных и мужественных страниц.

Своими беспощадными обличениями «царствующего зла» Толстой наполнял душу читателя гневом, заражал его решимостью сместь до основания все это гнусное здание насилья над человеком, — и здесь он заимствовал человека, веры в него, в его прекрасное будущее; но своей врожденной проповедью непротеста злу насильем он разоружал народ перед лицом врага.

«Противоречия в произведениях, взглядах, учениях, в школе Толстого, — указывал Ленин, — действительно кричащие... Толстой смеялся, как пророк, открывший новые рецепты спасения человечества... Толстой велик, как выразитель тех идей и тех настроений, которые сложились у миллионов русского крестьянства ко времени наступления буржуазной революции в России... Противоречия во взглядах Толстого... — действительное зеркало тех противоречивых условий, в которые поставлена была историческая деятельность крестьянства в нашей революции».

В произведениях Толстого отразились и сила и слабость массового крестьянского движения в России. Благодаря гениальному освещению Толстого некая историческая эпоха в жизни народа, эпоха подготовки первой русской революции выступила «как шаг вперед в художественном развитии всего человечества». Раскрывая глубокие исторические корни проповеди Толстого, Ленин писал: «Великое народное море, взволновавшее до самых глубин, со всеми своими слабостями и всеми сильными своими сторонами отразилось в учении Толстого».

Толстой был великим гуманистом, борником мира и справедливости.

В одной из своих статей, разоблачая империализм, готовивший новую войну, он предостерегал: «... Что же мы этих людей оставляем в покое, а не бросаемся на них и не рассказываем всех этих императоров, королей, министров, генералов по спиритическим заветам? Ведь разве не очевидно, что они замышляют и готовят самое ужаснейшее злодеяние и что если мы не остановим их теперь, злодеяние совершится не иначе, как завтра...»

В наши дни, когда борьба демократических народов мира против гнусной пропаганды войны, ведущейся наемниками англо-саксонского блока, принимает все более действенный характер, великие произведения Толстого помогут трудящимся лучше узнать своих врагов.

ЗАВТРА, 9 сентября, в Киеве открывается республиканское совещание детских писателей.

Советская литература для детей — одно из замечательных завоеваний нашей социалистической культуры.

Первые детские книги появились на Украине сразу же после гражданской войны. Для детей писали наши прозаики и поэты старшего поколения, успешно продолжают их почва молодые писатели.

Воплощая коммунистические идеи в художественных образах наши детские писатели учились и учатся по произведениям М. Горького, В. Маяковского, А. Гайдара, С. Маршала, С. Михалкова и других русских писателей. Благоприятное влияние русской советской литературы идейно и творчески обогащало детских писателей Украины. Благодаря этому детская украинская литература, оставаясь национальной по форме, успешно росла и развивалась, внося свой вклад в многонациональную советскую литературу для детей.

Наши лучшие детские авторы всегда стремились рассказывать в своих книгах о советской действительности, активно вторгаться в жизнь. Примером может служить творчество замечательного украинского писателя, любителя детей — Н. Трубанина. Его судьба схожа с судьбой А. Гайдара. Н. Трубанин тоже был смелым храбрым в дни войны. Как писатель, он тоже был ярким врагом кабинетной замкнутости, часто общался с детьми, участвовал в их делах и путешествиях и в книгах своих дружки наставлял их боры и мечты.

Желание писателя активно вмешаться в жизнь, позднее и глубже изобразить нашу действительность сказало и в том подходе, который переживает теперь украинская детская литература.

Старшая детская поэтесса Украины Н. Забала написала книгу стихов «Наша Родина». Замечательна, так сказать, пространственная широта этой книги. Здесь стихи и о городе Горь, где родился великий Сталин, и о наших морях, и о лесах Сибири, и о пшотине Днепровских, и о колхозах, заводах, шахтах. Маленький читатель видит из края в край нашу страну и ее людей в неустанном созидательном труде. Стихи Н. Забалы легко запоминаются.

Примечательна удача именно этой книги. Здесь у автора исходная позиция, исходный материал — сама наша действительность, дела и мысли советских людей. Для выражения их поэтама находят новые изобразительные средства, новые ритмы

РАЗГОВОР С ДЕТЬМИ

Валентин БЫЧКО

стиха. Когда же идеи нашего времени она пытается вложить в старые традиционные сказочные образы, — приходит неудача.

Такова, например, сказка Н. Забалы «Светлобог-богатырь». Народ предстает в сказке, как безликая масса, и не он сокрушает злые силы, а аллюгорический вождь-одиночка, который лишь пользуется некими «вдохновенными» силами народа.

Современности, многообразным делам и заботам советской детворы посвящены книжки стихов И. Неходы «Прозанки», новые стихи М. Пригары, И. Муратова. Значительная поэма молодой поэтессы Н. Познанской «В колхозе» — «Перелет». Устами юного героя этой поэмы правдиво рассказано об одном из украинских колхозов, как частине всего нашего государства. Поэтесса изобразила дружный коллектив колхозников, перелета поэзию их радостного труда в последние годы. Картины полевых работ, эпизоды на ферме, в овощеводческой бригаде вызывают у юных читателей живой интерес к колхозному производству. В художественной форме поэма выражает мысль о сочетании общественного и личного в труде на благо народа.

Содержательны три небольшие поэмы П. Воронько о советских детях — «Три сестры». Они повествуют о том, как в дни войны на территориях, оккупированных немцами, наши дети оставались верны своей большой Родине, «сердцем находили дорогу к Москве». После войны юные герои поэм деятельно помогают взрослым в социальном труде на освобожденной земле.

Тему, совершенно новую для украинской детской литературы, разрабатывает поэт В. Чалый. Он пишет стихи о жизни детей за рубежом — о маленьком партизане Греции, помогающем в борьбе против англо-американских колонизаторов, о китайской девочке, которая находит счастье на земле, освобожденной Народно-революционной армией.

Нехлохо произведения для детей создали украинские прозаики. В книге А. Копыленко «Хата хлопчика Мизинчика» повествуется о восстановлении колхозного села после войны. Маленький Мизинчик видит тесное сотрудничество колхозников и осознает существование новых социалистических отношений.

Молодой писатель-фронтник, Герой Советского Союза Ю. Збанацкий выступил с повестью о детях-партизанах — «Тайна Сокольного бора». Дети в повести, как это было и в жизни, действуют, прежде всего, как помощники взрослых; их воспитывают коммунисты отряда.

Из новых произведений можно назвать еще повесть А. Турчиной «Звезды на Верховине», «Повесть о новом доме» О. Донченко и другие. Они также говорят о серьезном повороте наших писателей к вопросам современности.

И все-таки наша литература для детей, особенно в прозе, сильно отстает от жизни и растущих запросов советской детворы. Пропрежнему узка, ограничена тематика книги. Поражает, что не факт: до сих пор, например, писатели не рассказали детям о бурном индустриальном росте родной республики, о замечательных ее людях — знаменитых шахтерах Донбасса и Кирово-вградцев, строителях Днепровца, станках-заводов и колхозов, об учениках.

Беза в том, что не все детские писатели Украины как следует изучают нашу действительность. Переход о детях пишут лишь по воспоминаниям собственного детства. Именно поэтому из поля зрения писателей почти совершенно выпала детская коммунистическая организация юных пионеров. Вся жизнь детей, их воспитание, формирование характера связаны со школой и пионерской организацией. А у нас еще нет ни одной книги, которая рассказывала бы о пионерском звене, отряде, дружке. Не затронула интереснейшая тема о работе пионеров в походы в годы войны. В книгах о послевоенной жизни трудно найти что-либо о пионерах, — почти не упоминается даже само это слово.

Вообще писатели мало выносятся в жизнь детского коллектива, в процессы, происходящие в нем. Если в книгах выступают героями дети, то это чаще всего одиночки, мало связанные с коллективом, действующие по какому-то внутреннему наитию. Так, в повести Л. Юхвела «Митко Конопенко» мальчик совершает невероятные подвиги и притом единолично, по собственному разумению.

В деревнях наши колхозные ребята активно участвуют в борьбе с вредителями

Профессор Хаксли недоволен...

Джулиан Хаксли, профессор-биолог, член «Мозгового треста» Би-би-си (Британской радиовещательной компании), принимал участие в конгрессе в защиту мира во Вроцлаве. Не успев даже вернуться из Польши в родной его город, он уже поспешно повзвизгивать всем о своем недовольстве.

Находясь проездом в Париже, Хаксли дал интервью, в котором сообщил, что недоволен: а) конгрессом в целом, б) приемами на конгрессе, в) в особенности и в частности выступлением советских делегатов на конгрессе и г) принятым конгрессом обращением.

Впрочем, профессор Хаксли признал, что самым собой он также недоволен. Не следовало ему, Хаксли, ездить во Вроцлав, тем более, председательствовать на одном из заседаний конгресса. Ничего ему, Хаксли, сделать на конгрессе не удалось; он и его единомышленники были на конгрессе совершенно одиноки.

Профессор Хаксли позабыл при этом сообщить, что он не решился открыто и немедленно подать свой голос против принятого конгрессом обращения к интеллигенции мира. Хаксли ушел с конгресса, отнюдь не хлопнув дверью, а незаметно, «по-английски», стараясь не обратить на себя внимания.

Профессор Хаксли заявил, что стремился к «примирению культур Западной и Восточной». Такое примирение, по словам профессора Хаксли, на конгрессе состоялось не могло, ибо конгресс увлекался «идеологическими вопросами».

Можно подумать, что мистер Джулиан Хаксли политикой не занимался и не занимается.

Между тем, будучи биологом, профессор Хаксли отнюдь не чужд политике как таковой. Он не только состоит в должности генерального секретаря ЮНЕСКО и в качестве такового находится, так или иначе, в поливизии у г. Бевана и у г. Маклея, инструкторов его, как ему себя вести. По линии Би-би-си профессор Хаксли также находится на постоянной службе, но уже у главы британского радиовещания — лорда Галлахера мюнхенского, «Мозгового треста», который утверждает, что он дает ответы «на все вопросы», запрашивает, как известно, этот бывший министр иностранных дел Великобритании, а чиновники Би-би-си направляют деятельность мистера Хаксли, когда он выступает у микрофона.

Как мы видим, мистер Хаксли весьма причастен к политике, и все дело попросту в том, что не всякая политика ему нравится.

Наконец, и самое направление, которое Хаксли представляет в биологии, тоже отнюдь не аполитично.

Он является сторонником так называемой «евгеники» или же науки о человековости. «Евгеника» — одна из составных частей гитлеровской доктрины о «расовом превосходстве» одних народов над другими. Профессор Хаксли мог справедливо принять на свой счет тот размах обращения конгресса деятелей культуры в защиту мира, которое гласит:

«Однако вопреки воле и желанию народов всех стран, кучка корыстных людей в Америке и Европе, узависевшая от фашизма его идеи расового превосходства и отрицания прогресса, усвоившая его стремления разрешать все вопросы силой

оружия, вновь покушается на духовные достижения народов мира».

Уточним: сам профессор Хаксли не принадлежит к этой «кучке корыстных людей». Но, как один из сторонников и распространителей «евгеники», он показал себя научным оруженосцем этой самой кучки. Мало того, профессор Хаксли в последнее время не раз выходил за пределы своей непосредственной научной специальности и выступал со статьями по вопросам «управления колониальными народами». В этих статьях профессор Хаксли защищает колониальную политику британского империализма с позиций, отражающих интересы той же «кучки корыстных людей».

Таким образом, следует прежде всего отвергнуть заявление профессора Джулиана Хаксли о том, что его «научно-культурная деятельность» не носит политического характера.

Профессору Джулиану Хаксли, который так настойчиво противопоставляет свою «научную» культуру культуре «азиатского Востока», на конгрессе весьма убедительно возражал английский ученый Холдейн. Имя профессора Холдейна хорошо известно в Англии и за ее пределами не только как имя ученого, но и как «научно-культурная деятельность» не носит политического характера.

В своем выступлении на конгрессе Холдейн отметил, что напрасно было бы делить людей науки или деятелей литературы и искусства по такому географическому признаку, как «восток» и «запад»; опыт свидетельствует о том, что в любом пункте земного шара существуют два лагеря — демократии и реакции, и линия разграничения между работниками культуры зависит вовсе не от их местопребывания, а лишь от их принадлежности к тому или другому лагерю. В частности, Холдейн подчеркивал, что в Лондоне, Оксфорде и Кембридже эти линии тоже налицо. Вы, мистер Хаксли, сами себя поместили в лагерь реакции и потому заслужили неодобрение всех демократических сил, в том числе и у себя дома — в самой Англии.

На конгрессе у Хаксли было немного сторонников. Хаксли успел только, записав в течение недолгого времени председателем своего места, пригрозить выступавшим, что будет обрывать всякого, кто начнет делать политические выводы из анализа реакционных идеологий Америки и Англии. Видно, отправляясь на конгресс, Хаксли полагал, что примет участие только в сальном разговоре на «культурные» и «интеллектуальные» темы, в «игре ума»; оказался же он среди людей, которые всевозможны вести борьбу за мир, прогресс и демократию и этой своей готовности ни от кого и никогда не скрывают. Тогда он решил «использовать» свои председательские права, но окрик Хаксли не смутил никого из деятелей культуры, — они продолжали свои выступления в защиту мира под громкое одобрение подавляющего большинства участников конгресса.

А дело все в том, что на конгрессе, где были представители деятелей культуры всего мира, а не штатные сотрудники Би-би-си или «Голоса США», Хаксли потерпел большое поражение. Этим-то и объясняет господин Хаксли, выражая опять точку зрения не только свою, но и «кучки корыстных людей» — своих полновластных хозяев!

Трагедия американских горняков

Катастрофы в американских шахтах стали рядовым, чуть ли не повседневным явлением. «Взрыв на шахте «Центральная» № 5» — так озаглавлена статья, помещенная в американском журнале «Харперс Мэгэзин».

Сто одиннадцать горняков погибли при взрыве в шахте № 5. Взрыв был неминуем из-за скопления огромного количества угольной пыли. Для того, чтобы предотвратить катастрофу, следовало прекратить работу на некоторое время, но владельцам компании это было невыгодно.

Шахтеры понимали, какая опасность им грозит ежедневно и ежесекундно. Они просили власти штата Иллинойс вмешаться и заставить компанию принять срочные меры для предотвращения катастрофы. Но власти нашли, что положение вовсе не столь опасно... Тогда шахтеры написали письмо губернатору штата Дуайту Грину; журнал приводит этот трагический документ, звучащий, как крик о помощи. «Несколько лет назад, — писали горняки, — после катастрофы в Гиллеспи, мы видели в газетах фотографии, на которых мы были изображены спускающимися в шахту, чтобы лично выяснить причину взрыва. Мы предупреждали вас о необходимости, пока не поздно, исправить положение, могущее привести нас к еще более страшной катастрофе...»

Губернатор Грин оставил письмо горняков без ответа.

Гибель ста одиннадцати человек обошлась угольной компании исключительно дешево: капиталисты были оштрафованы на 1,000 долларов, и, следовательно, каждая шахтерская жизнь обошлась менее, чем в десять долларов.

Катастрофа на «Центральной» типична для жизни и быта американских горняков. Даже по официальным статистическим данным, в течение прошлого года на шахтах Америки погибло и было изувечено более 64 тысяч рабочих.

Даже столь преданный капитализму чиновник, как начальник отдела техники безопасности шахт США Харрингтон, признает, что «эти люди не должны были погибнуть. 95 процентов всех катастроф в шахтах, включая взрывы и пожары, можно было предотвратить».

«Они могли остаться в живых, но это обошлось бы дороже владельцам шахт. Убийство оказалось выгоднее», — подчеркивает «Дейли Уоркер». Вот почему и конгресс США не думает принять закон, который объявил бы преступлением всякое нарушение правил безопасности. Конгресс не желает вводить в расход магнатов угольной промышленности...

ФАКТЫ БЕЗ КОММЕНТАРИЕВ

ПРАВЫ ЮСТИЦИИ ЛИНЧА

Один американец обвинил свою жену, с которой он был в разводе, в том, что она якобы является коммунисткой. Под этим предлогом он хотел отсудить у нее ребенка.

Судья нашел, однако, что у «истца» нет достаточных данных, говорящих о том, что его бывшая жена действительно коммунистка. «Но, — заметил судья, — если было бы малейшее доказательство того, что это так, я, несомненно, лишил бы подобную мать ребенка. Более того, я считаю, что у всех американских коммунистов следует вообще отнять детей».

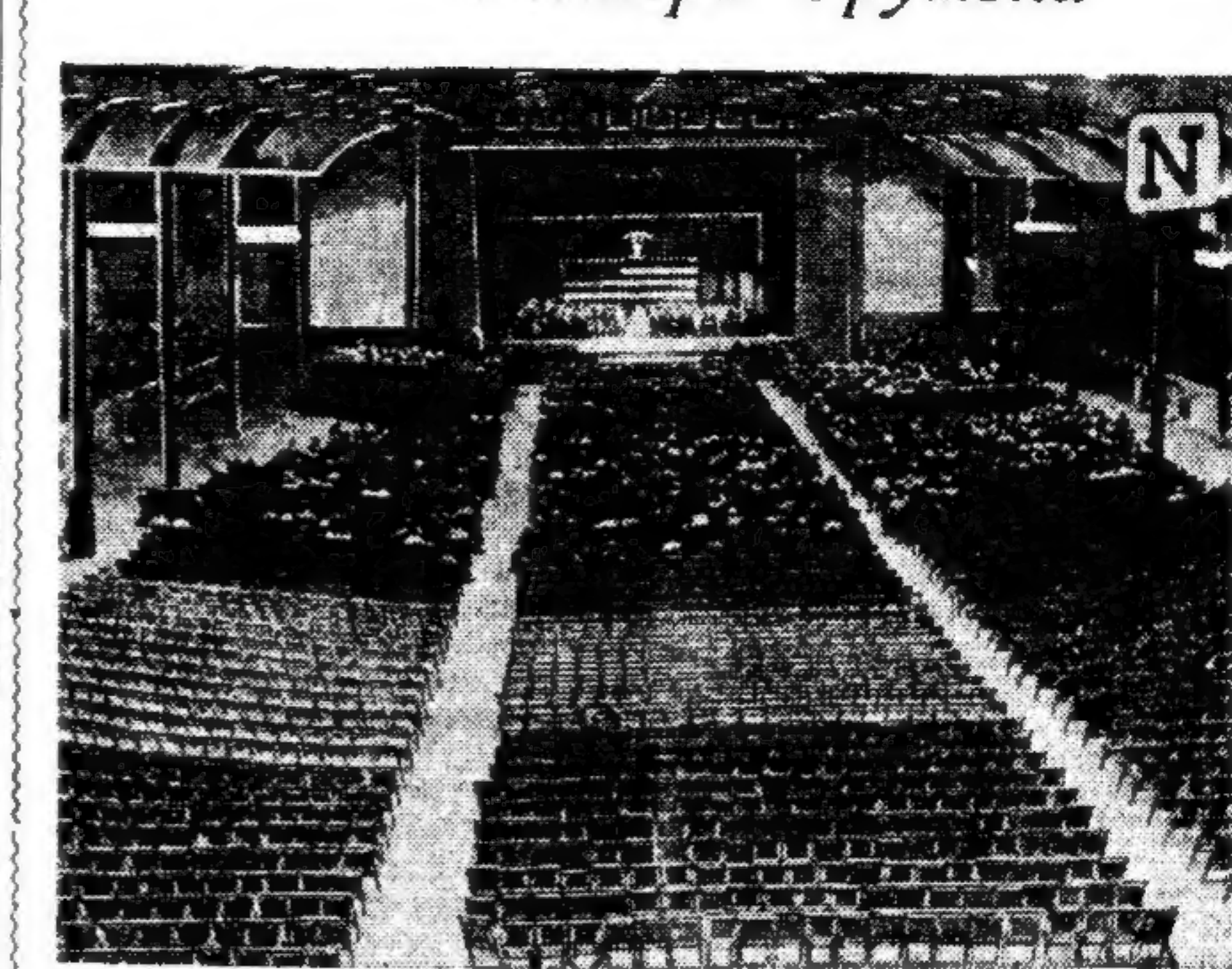
Кто-то из публики спросил: «А как бы вы поступили, если бы родители ребенка были членами партии Уоллеса?» — «Точно так же», — ответил судья.

НЕ ВСЕ ЛИ РАВНО?

Недавно в Вуппертале (Западная Германия) открылась выставка работ американского художника-футуриста Пола Фонтэя. Местная критика на все лады расхваливала его творчество, и польщенный художник, как сообщает газета «Базель Нихтрихтен», решил лично посетить выставку.

Каково же было его изумление, когда он, войдя в зал, увидел все свои «абстрактные полотна» висющими... вверх ногами!

Провалившаяся гастроль мистера Трумэна

Неустойчивая температура в Америке — предвещающая пора. Перед ужасными взорами президента Гарри Трумэна в эти дни проносятся его деяния, и, может быть, его сложит черт совести. Покушение, только, — как «железо» за эти три с небольшим года сделал Растонгана заговором Руа. Взрывы, отбрасывающие демократические границы. Иллюзии, которыми живут. Велетса «холодная война» против стран народной демократии... Но господина Трумэна

На стуле плакат: «Представьте себе, что вы видите президента Трумэна. Этот снимок, повисающий на стене, подтверждает ту мысль, что даже собаки всецело одобряют политический курс нынешнего президента. Другая фотография сделана в г. Омеха (штат Небраска), где произошла ошеломляющая предвыборная гастроль президента Трумэна. В расчете на большой наплыв слушателей был подготов-

М. ЗИМИН

Письмо из Италии

Кто стрелял в Пальмиро Тольятти

Четыре выстрела в Тольятти глубоко потрясли итальянский пролетариат и всех честных трудящихся. Итальянский народ расценил их как наглый вызов своему будущему, как сигнал о наступлении реакции на завоеванные им с таким трудом права.

Стихийно возникшая всеобщая стачка, которая с молниеносной быстротой охватила всю страну, отразила силу и степень народного гнева, явила собой замечательную демонстрацию солидарности трудящихся, свидетельствующую об их высокой политической зрелости.

Реакционный лагерь реагировал на покушение со смешанным чувством удовлетворения и беспокойства. В арестованных членах фашистских салонов ликовали и провозглашали тошноту за Палланте, в кругах католического духовенства благодарили всевышнего за то, что он покарал «красного дьявола».

Испугавшись народного возмущения, демокристическая партия вынуждена была поспешно, сколь и несвоевременно «осудить» террористический акт Палланте. Де Гаспери посетил клинику, где находились Тольятти. Он тоже «осуждал» и тоже «соболезновал», хотя от каждого его слова разливалось фальшь и лицемерие. И он подтверждал это тем, что спустя несколько дней, выступая в парламенте, говорил уже не о преступлении Палланте и не о строгом расследовании злодеяния, а о «преступном поведении» рабочих, стилило прекративших работу.

Обо всем этом необходимо вспомнить сейчас, ибо в выступлениях де Гаспери была выражена та самая линия, какой ныне придерживаются правящие круги

в своей политике разнузданных полицейско-террористических расправ над народными массами и открытого покровительства неофашистским организациям.

Подлая месть — вот ответ министра внутренних дел трудящимся, которые поспешили взяться за оружие стачки. Семь тысяч арестов — таковы арфиметические выражения этой политики мести в первые же дни после покушения на Тольятти.

Что касается фашистского террориста Палланте, то стремление изобразить его «большим фанатиком» и «одиноким преступником», обнаружившееся в первом же официальном сообщении министерства внутренних дел, ныне все более усиливается.

Все это — попытки с явно негодными средствами. Преступление Палланте, в котором он играл только роль исполнителя, планоммерно и заблаговременно подготовлялся людьми, стоящими за его спиной и имеющими непосредственное отношение к реакционно-фашистским и законамским кругам.

Палланте прибыл в Рим из Сицилии на депо, предоставленные ему местными полицейскими фашистами. Сам он был в Равенно председателем местной секции фашистской организации «Уомо куалункуе». Не без его участия, разумеется, установилась в Сицилии та разнузданная атмосфера помешанности-фашистского террора, в результате которой за полтора года предательски убиты выстрелами из-за угла 36 профсоюзных активистов. Жертвой фашистского террора стал также секретарь профсоюза батраков Ка-

джалоси, сраженный пулеметной очередью в момент возвращения из Палермо, куда он выезжал для участия в рабочей сессии Всеобщей конфедерации труда, созданной в знак протеста против политического террора. Никто из виновных во всех этих преступлениях до сих пор не раскаялся и тем более не осужден. Из этих фактов явствует, что тот же Палланте, находясь в Сицилии, наконик кровавый «оппортунист» террориста, доказав тем самым своим поведением, что ему можно доверить и более серьезные задачи.

По прямому указанию свыше власти, редуцируя следствие по делу Палланте, явно стараются всего этого не замечать. Больше того: вопрос о том, кто вложил фашистскому террористу в руки револьвер, кто снабдил его маршрутом, кто дал ему пропуск в итальянский парламент, где Палланте впервые увидел Тольятти в лицо, кто указал ему подпол, из которого Тольятти вышел в день покушения на уиллу, — даже не поднимается. Иной так же тщательно обходятся и то обстоятельство, что оба карабинера, на глазах которых стрелял Палланте, не схватили его сразу после первого выстрела, а стояли, не шелохнувшись, до тех пор, пока не были выпущены четыре пули...

Демокристическое правительство не сошло тверенного министра внутренних дел Шельба ответственным за все происшедшее. Шельба не только остался на своем посту, он возглавил террористический поход против трудящихся Италии. Этот обрядларм осмелился даже заявить, что приход демокристической власти означает наступление эры «социальной справедливости». Больше извещательство на итальянском народем трудно себе представить!

Видно, с позиций все той же «социальной справедливости» де Гаспери — Шельба и ведется сейчас следствие по делу Палланте, единственной целью которого является замести следы и скрыть подлинных виновников злодеяния, а заодно — выторговать и самого преступника.

Только этим можно объяснить чудовищное по наглости заявление двухдепутатского журнала «Сензо», органа реакционной организации «Католическое действие», который ропщется во всеулышание утешать Палланте и, стараясь вселить в него бодрость духа, пишет: «Во тревожнесте, вас не казнят. Терпеливо несите крест вашего заключения. Все изменится, и в один прекрасный день вы снова увидите свободу». Так могут разговаривать с фашистским преступником только его сообщники, да и то лишь в том случае, если они уверены в своей безнаказанности.

Если ко всему сказанному добавить, что по мере развертывания «следствия» с новой силой разгорается фашистский террор в Сицилии, то общая картина подготовки к «слушанию» дела Палланте становится ясной!

Как подчеркнул Пальмиро Тольятти в своей статье, напечатанной им в «Уни-та» уже после выхода из госпитали, «в засаде притаились силы, подготовлявшие полное уничтожение вновь завоеванной свободы, силы, стремящиеся загнать страну на путь преступных военных авантюр и служения иностранному империализму». Одним из «укреплений» для этих сил, находящихся сейчас в «засаде», несомненно послужит акт суда, куда привезут преступника Палланте.

Не случайно, однако, итальянский народ ответил на выстрелы в Тольятти движением протеста и героической борьбой, которые по своей стихийной силе и масштабу не имели прецедентов во всей истории Италии. Всеобщая стачка ясно показала, что времена «походов из Рима» минули безвозвратно. И те, кто сейчас усиленно старается посеять «веський ветер» фашизма, — пожнут всепокрушающую бурю народного гнева!

РИМ.

Главный редактор В. ЕРМИЛОВ.

Редакционная коллегия: Н. АТАРОВ, А. БАУЛИН, Б. ГОРБАТОВ, А. КОРНЕЙЧУК, О. КУРГАНОВ, Л. ЛЕОНОВ, А. МАКАРОВ, М. МИТИН, И. ПОГОДИН, А. ТВАРДОВСКИЙ, Л. ШАУМЯН.

Густа ФУЧИК

Мечта Юлиуса Фучика

Пять лет назад, 8 сентября 1943 года, фашистские палачи казнили в Берлине Юлиуса Фучика, редактора центрального органа коммунистической партии Чехословакии «Руде право» и журнала «Творба», члена подпольного ЦК компартии, пламенного борца против фашизма, автора бессмертной книги «Репортаж с петлей на шее».

Юлиусу Фучику было 40 лет, когда смерть в образе палача с топором в руках явилась перед ним. Долгие месяцы до того он находился под угрозой смерти. Она не была страшна ему. Он не испугался ее и после того, как ему объявили смертный приговор. В письме, тайно выслезенном из тюрьмы, он писал мне:

«Ты знаешь, как я люблю простор, солнце и ветер, как я хотел быть всем, что в них живет: птицей или кустом, обложкой или брошюрой. А вместо этого — годы, долгие годы я живу под землей, развешивая участь корней. Независимый, полуживотный корень, обжатый мраком и тлением и поддерживающий над землей дерево жизни. Никакая буря не выворотит дерево с крепкими корнями. В этом и моя гордость. И моя тоже, я не жалуюсь, — ни о чем не жалею. Я выполняю все, что было в моих силах, и ралуюсь ятому. Но свет, свет я люблю, и я хотел расти прямо вверх и хотел шестить и врать, как сдобный плод. Ну, что ж. На дереве же, которое мы держали и удержали, вырастут, расцветут и созреют поколения новых людей, социалистические поколения рабочих, поэтов, а также и критиков и историков литературы, которые, может быть, познее, но зато лучше сумеют рассказать то, о чем я уже рассказывал, не смог. Так, быть может, и мои плоды хоть немного нальются сладостью и приобретут законченную форму, хотя я, мой горы снег уже нигде не ляжет. Камера 267, 28 марта 1943 года».

Юлиус Фучик не боялся смерти даже тогда, когда она неминуемо на него надвигалась. Последнее свое письмо из берлинской тюрьмы на Шпендере он написал за восемь дней до смерти, то-есть 31 августа 1943 года.

«...Человек, — писал он, — не становится меньше от того, что его укоротят на голову. И мое горячее желание,

когда все уже будет кончено, чтобы вы вспомнили обо мне не с грустью, а с такой же радостью, с какой я всегда жил...»

Фашистские злодеи убили Юлиуса Фучика так же хладнокровно, как они убивали миллионы других людей, борющихся против сил мракобесия и зла.

Борьба против фашизма была последней битвой Юлиуса Фучика. Вся его жизнь — это борьба за свободу человека, против жестокой угнетателей, против жестокости угнетателей, против жестокости реакционной мелкой буржуазии, против фальшивой позолоты буржуазной демократии. Жизнь Фучика — это борьба за справедливую оплату труда рабочих, за правду в произведении художников, за искусство, доступное для широких масс. Юлиус Фучик боролся против войны — за мир, против капитализма — за социализм. Он был боевым журналистом газеты «Руде право» и литературным критиком журнала «Творба». Он учился на произведениях Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина. Он боролся в рядах компартии Чехословакии.

Любовь к жизни, любовь к людям сделала его борцом. Верный сын своего народа. Фучик знал его горе и страдания, его неопределимую силу и величие. Он боролся вместе с бастовавшими горняками чешского севера, которые хотели жить по-человечески, а капиталистический строй лишил их последних остатков человеческого достоинства. Он боролся за спасение голодающих, чахоточных детей, разутых и раздетых, напрасно ожидающих, что их безработные отцы принесут им кусок хлеба. Он боролся против тех, кто в Духовне, Фриваллове, в Конштау и Ратонте стрелял в рабочих, требовавших работы. Он боролся против трестов и синдикатов, которые из года в год получали все больше и больше прибыли. Он боролся против торговцев и помещиков, которые топили в Лабе продовольствие, чтобы поддержать высокие цены на хлеб. Он воевал против свободы обогащения для одних и свободы умирать голодной смертью для других...

Этой борьбой была наполнена журналистская и писательская деятельность Юлиуса Фучика. Как литератор, сотрудничавший в коммунистической печати,

он хорошо знал, как дорого обходится правда, которую он говорил народу, правда, которой боялся капитализм всего мира и которой боялись и капиталисты Чехословакии. Газеты и журналы со статьями Юлиуса Фучика в старой буржуазной Чехословакии конфисковывались, собрания, на которых он выступал, разгонялись. В редакциях, где он работал, в квартирах, где он жил, не раз происходили полицейские обыски. За статьи и листовки Фучика судили, сажали в тюрьму. В полицейских и жандармских участках, в залах суда он на собственном опыте постигал всю фальшь слов о демократии и гуманизме в капиталистическом обществе.

В 1930 году Юлиус Фучик впервые посетил Советский Союз — страну социализма. То, что он там увидел и пережил, Фучик описал в книге «В стране, где завтра уже означает вчера». Он рассказывал о СССР также в многочисленных статьях, на собраниях. Его слова запали в сердца в умы многих тысяч людей. Он ставил в пример всем трудящимся капиталистических стран, в том числе и старой Чехословакии, жизнь в стране социализма, где простой рабочий стал управлять государством, где плоды его труда пожиняются такими же, как и он, трудящимися.

Юлиус Фучик полюбил советский народ, полюбил строителей Днепроэста и рабочих Сталинграда, шахтеров Донбасса и колхозников Украины. Он полюбил ленинградские белые вонч и звезды, сияющие над степями Средней Азии. И равным утром или на закате солнца он любовался величественной красотой Алтая, где ныне одна из вершин носит его имя...

Любовь советского народа к великому Сталину стала любовью Фучика, вера в победу социализма — его верой. Вернувшись в 1936 году в Чехословакию из своей второй поездки в СССР, Юлиус Фучик писал: «Я прожил в СССР почти два года... Как выросло счастье человека за это время! На моих глазах человек вырос, росли новые города, богатые колхозы, люди становились дружнее. Все, что изменялось и росло, изменялось и росло к лучшему. За эти два года прожил целые исторические десятилетия, в

течение которых со становился реальностью. На моих глазах выросло то, за что мы еще боремся и о чем только еще мечтаем. На моих глазах выросло бесклассовое социалистическое общество, вырос социализм из плоти и крови...»

Социалистическая действительность советской страны вошла в плоть и кровь Юлиуса Фучика. Советский Союз был для него непобедимой силой. И в дни войны его наполняло его неукротимой верой в неизбежное поражение фашизма, в победу СССР и сил прогресса. Эта непоколебимая вера, осознание себя частью великой силы социализма помогли Юлиусу Фучику быть стойким до конца, не отсутствовать ни перед какими испытаниями, презреть смерть.

Дорогой Юлиус, — хочется сказать ему, — мы, живые, убеждены в том, насколько обоснованной была твоя вера в победу Советского Союза и в поражение фашизма.

После мая 1945 года, когда нашу страну освободила Советская Армия, после исторической победы чехословацкого народа в февральские дни 1948 года твоя мечта о социализме осуществляется и в Чехословакии.

Вместе с шахтерами ты боролся за справедливую жизнь. Ныне, через пять лет после твоей смерти, в национализированных шахтах Чехословакии трудятся шахтеры-хозяева.

Ты боролся за то, чтобы рабочие не умирали от голода и болезней, вызываемых безработицей. Сейчас в Чехословакии профсоюзам трудящихся принадлежат санатории, курорты и санатории капиталистов.

Ты боролся вместе с рабочими за право на труд и хлеб. Ныне на наших национализированных фабриках и заводах трудятся рабочие-хозяева. У нас нет ни одного безработного, и их никогда больше не будет в Чехословакии — стране планового хозяйства.

Ты боролся за то, чтобы землю получили бедные крестьяне, угнетавшиеся в старой республике. Ныне помещичья земля поделена между теми, кто на ней работает.

Ты боролся против тех, кто стрелял в безоружных рабочих, когда они просили хлеба. Ныне у нас имеется корпус национальной безопасности, который идет вместе с народом и защищает интересы трудящихся.

Ты боролся против индивидуализма и